

ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

Идея проведения этнографической экспедиции на территории Северной Германии для поисков славянских следов, в основном между реками Эльба и Одер, принадлежала А.С. Мыльникову. Ее возникновение в самом начале 1990-х годов было связано с его научными интересами (1), легшими в основу коллективной разработки проблемы генезиса этнического самосознания у славянских народов (2).

Дело в том, что вопросы истории и культуры проживавших на территории Северной Германии западнославянских (полабских) племен от рубежа V–VI вв. и до их ассимиляции давно стали предметом изучения археологов, историков, лингвистов, фольклористов, а также краеведов, прежде всего немецких. Но в отличие от этнографически хорошо изученных серболужицан (сорбов) этнографическое изучение северополабских славян и процессов их германизации за редкими исключениями ограничивалось Средневековьем. Между тем этот процесс был более длительным, т.к. оставил существенный след в немецкой этнической истории. Возникал вопрос: какой?

Получить на него ответ представлялось заманчивым, для чего совершенно необходим был помимо письменных источников и современный живой материал, собранный «в поле». Уже тогда было ясно, что это, в свою очередь, позволило бы рассмотреть и осмыслить механизм вхождения ассимилированного славянского населения в немецкий этнос и соответственно его культурного наследия — в современную немецкую народную культуру. Конечно, поначалу многие стороны будущей полевой работы оставались в полнейшем тумане. И прежде всего в части организации (круг участников) и осуществления (финансирование) задуманной экспедиции.

Во избежание понятийной путаницы мы решили пояснить, что в русском языке одно из значений слова «экспедиция» — «поездка, поход группы лиц, отряда с каким-либо специальным заданием, например, научная экспедиция» (3). По-немецки этот термин воспринимается несколько иначе, с учетом пространственного критерия — «поездка куда-то далеко, по большей части в незнакомую местность» (например, на Южный полюс). В кругах немецких коллег в нашем случае употреблялся термин «Exkursion», которым в немецкой этнографической науке обычно обозначают полевые студенческие практики, а также собственно экскурсии в деревни. На наш взгляд, корректным для перевода на немецкий язык русского понятия «экспедиция» яви-

лось бы слово «Forschungsreise», то есть «исследовательское путешествие», «поездка с исследовательскими целями» (4).

В экспедиционном архиве (далее — ЭА) частично сохранилась переписка, связанная с ходом реализации задуманного проекта. Об этом в первой половине 1990-х годов А.С. Мыльников, будучи в то время директором Кунсткамеры, говорил несколько раз в Отделении истории РАН в Москве. 23 октября 1992 г. он направил письмо Председателю Федеральной телерадиовещательной службы «Россия» Б.А. Курковой, в котором извещал о намерении Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого провести в 1993 г. этнографическую экспедицию в Северную Германию и предлагал включить в состав экспедиции телевизионную съемочную группу (ЭА, № 1, л. 1). Сказать по правде, подобные предложения отклика с российской стороны ни тогда, ни позднее не получили. Но зато ими заинтересовалась немецкая сторона. Тогда же, в конце 1992 и в 1993 гг., письма с кратким обоснованием идеи экспедиции были направлены депутату Ландтага земли Шлезвиг-Гольштейн проф. Эккехарду Клогу, директору Балтийской академии в Травемюнде доктору Дитмару Альбрехту, директору Шлезвиг-Гольштейнского музея под открытым небом доктору Карлу Ингверу Иохансену. Со всеми ними А.С. Мыльников был к тому времени знаком и, находясь в научных командировках в Германии, делился планами этнографического обследования районов Северной Германии, где прежде проживали славяне. Поначалу речь в основном шла об острове Рюген, Ганноверском Вендланде и отчасти о Восточном Гольштейне. Положительная ответная реакция с немецкой стороны и стала, по сути дела, началом реальной подготовительной работы.

7 января 1994 г. в ответном письме из Балтийской академии в Травемюнде руководитель соответствующего направления доктор Йорг Хакманн писал: «Глубокоуважаемый господин профессор Мыльников, ваш проект поездки (Exkursion) на Рюген и в Вендланд для исследования славянских культурных реликтов я передал в начале ноября господину Цернаку, который сказал мне, что он вполне усматривает возможность финансирования такой поездки и охотно готов этому содействовать». Далее Хакманн советовал непосредственно списаться с Цернаком (ЭА, № 1, л. 5).

Совет был тем более уместен, что А.С. Мыльников давно знал работы профессора Клауса Цернака, одного из виднейших немецких историков. А неоднократно встречаясь с Цернаком на многих научных конференциях, Мыльников имел возможность и лично познакомиться с этим обаятельным и отзывчивым человеком.

Поблагодарив Йорга Хакмана за столь обнадеживающий ответ и не откладывая дела в долгий ящик, 12 января 1994 г. А.С. Мыльников направил профессору Клаусу Цернаку факс с кратким изложением проекта совмест-

ной Российско-немецкой этнографической экспедиции для проведения полевой исследовательской работы.

Почти одновременно с этой перепиской пришел датированный 11 января 1994 г. ответ и от Карла Ингвера Иохансена. Он, в частности, посоветовал связаться с доктором Карлом Ковалевским из города Люхов (Вендланд), поскольку тот, по словам автора письма, будучи активным сторонником развития культурных контактов между европейским Западом и Востоком, мог бы явиться «связным (Verbindungsmann) и советчиком» в нашем деле (ЭА, № 1, л. 8).

Совет Иохансена оказался не только полезным, но и своевременным. Ибо вскоре с Карлом Ковалевским и его вендландскими коллегами удалось установить дружественные личные и исключительно плодотворные деловые контакты. Но сперва в Кунсткамеру летом 1995 г. поступило письмо из Люхова на бланке «Общества по поддержанию круглых деревень в Ганноверском Вендланде», подписанное окружным архивариусом Вольфгангом Юрриесом (ЭА. № 2, л. 1–2). Правда, речь в письме шла не об экспедиции, а о поиске утраченного оригинала записок, автором которых был Иоганн Парум Шульце (1677–1740) — славянский самоучка и сельский староста, оставивший хронику событий с описанием обычаев местных вендов и их вымиравшего языка (5). Дело в том, что последним, кто видел и исследовал оригинал рукописи Шульце, был известный русский славист А. Ф. Гильфердинг, издавший текст записок в книге «Памятники наречия залабских древян и глинян» в Санкт-Петербурге (1856). У вендландских коллег возникло предположение, не оказался ли оригинал рукописи Парум Шульце в России. В качестве консультанта и был приглашен А.С. Мыльников.

В ноябре 1995 г. в деревне Любельн, где располагается местный этнографический музей, состоялся коллоквиум с участием А.С. Мыльникова и видных немецких полабистов — профессора Дитриха Герхардта и доктора Вальтера Кестнера (6). Несмотря на краткость пребывания гостя из Кунсткамеры, удалось обсудить и некоторые вопросы будущей полевой работы, что было предварительно оговорено в переписке с В. Юрриесом и К. Ковалевским (ЭА, № 2, л. 5–6). Целесообразность такой работы немецкие коллеги полностью поддержали.

Будущее сотрудничество было закреплено 3 ноября того же года Протоколом о намерениях, подписанным с немецкой стороны В. Юрриесом, а с российской А.С. Мыльниковым (ЭА, № 2, л. 8). Протокол был утвержден Правлением «Общества по поддержанию круглых деревень в Ганноверском Вендланде» (3 ноября 1995 г.) и Ученым советом Кунсткамеры (21 марта 1996 г.) (ЭА, № 2, л. 9). Этим был сделан еще один шаг к реализации идеи этнографических исследований в области славянского культурного наследия в Северной Германии.

В 1996 г. в Кунсткамеру поступило письмо от руководителя проекта «Germania Slavica» профессора Кристиана Любке. Оно начиналось словами: «Господин профессор Цернак из Вольного Университета Берлина передал мне Ваш набросок исследовательского проекта к этнографической части Germania Slavica («Элементы традиционной культуры полабских славян в немецкой народной культуре») с просьбой рассмотреть, существует ли возможность в рамках нашего Центра поддержать планируемые Вами исследования» (ЭА, № 1, л. 10). Далее Любке сообщал о заинтересованности руководимой им междисциплинарной программы в предлагаемой нами этнографической работе и просил ответить на ряд конкретных уточняющих вопросов. Отвечая на эти вопросы, А.С. Мыльников поблагодарил за проявленное внимание к идее этнографического полевого исследования и предложил обсудить возможное сотрудничество при личной встрече (ЭА. № 1. л. 13). Она состоялась в мае во время пребывания директора Кунсткамеры на торжественном открытии в Халле международной выставки, посвященной русскому академику Георгу Вильгельму Стеллеру / Штеллеру (1709–1746) и его экспедиции в Сибирь.

После этой встречи письменный обмен мнениями в 1996 и 1997 гг. продолжался (ЭА, № 1, л. 14, 15, 17–21, 23). Тогда же установился и контакт с Институтом славистики одного из старейших немецких университетов в северно-германском городе Грайфсвальд. Директор этого Института профессор Манфред Нимайер не только с пониманием отнесся к идее экспедиции, но и создал условия для стажировки Ю.В. Ивановой, одной из ее будущих участниц. К тому времени в Историческом институте того же Университета стал работать и профессор К. Любке. Такое удачное совпадение в немалой степени способствовало успеху общего дела.

Ключевым явилось адресованное А.С. Мыльникову письмо К. Любке от 21 мая 1997 г. В нем сообщалось, что Научный совет лейпцигского Центра решил, во-первых, принять «проект исследования славянских реликтов в земле Мекленбург-Передняя Померания и, возможно, в Вендланде», включив его в проект «Germania Slavica», и, во-вторых, обратиться в Немецкий исследовательский фонд (Deutsche Forschungsgemeinschaft, сокращенно — DFG) с просьбой о финансовой поддержке. «Если DFG этот проект поддержит, — говорилось в письме далее, — Вы должны будете в будущем году приехать в Германию, с тем чтобы в первую очередь произвести необходимые источниковедческие разыскания, а равным образом определить конкретно возможные места для полевых исследований» (ЭА, № 1, л. 17). Естественно, с нашей стороны ничего иного, кроме согласия с таким планом, быть не могло. В обстановке приятных ожиданий наступил 1998 г., когда вопрос об экспедиции был не только решен окончательно, но и наконец-то приобрел вполне практический характер.

Об этом свидетельствовало февральское письмо директора лейпцигского Центра профессора Винфрида Эберхарда, которым А.С. Мыльников официально приглашался в Германию на два месяца в качестве гостя Центра для разысканий в библиотеках и музеях, встреч с немецкими этнографами и славистами, в том числе в Мекленбурге, с целью окончательной научной и организационной подготовки задуманных полевых исследований в рамках проекта «Germania Slavica». Такая поездка, состоявшаяся с 6 апреля по 6 июня, способствовала определению проблематики, методики и, что очень существенно, маршрута российско-немецкой этнологической экспедиции.

Примечания

1. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Т. 1. СПб., 1996; Т. 2. СПб., 1999; *Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997.

2. См., напр., серию, подготовленную Институтом славяноведения РАН: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. В.Д. Королук, Г.Г. Литаврин. М., 1982; *Акимова О.А. и др.* Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Этническое самосознание славян в XV столетии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Б.Н. Флоря. М., 1995.

3. Словарь иностранных слов. 18-е изд. М., 1989. С. 588.

4. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Hrsg. von D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin etc., 1997. S. 309.

5. *Сурин А.Е.* Полабский язык. Минск, 1987.

6. *Beyer Ch.* Wo ist die Parum-Schultze-Chronik? // Elbe Jeetzel Zeitung, 1995. 14. November; *Лазарева Т.Г.* Да здравствует земля славян! // Вечерний Петербург. 1996. 17 мая.